

Антиэнтропийный характер метатекстуальных знаков

В. А. Сидоренко¹, Н. М. Ветров²

¹Луганский государственный медицинский университет имени Святителя Луки, Луганск, Россия, vls.80@mail.ru

²Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, Луганск, Россия
elvientos@yandex.ru

Аннотация. Цель работы заключается в выявлении роли метатекста в построении культурного пространства. Методологически исследование опирается на историко-компаративистские и логико-аналитические принципы изучения взаимосвязи текста с реальностью и человеческим мышлением. В качестве объекта изучения выступает энтропийность культуры как сложной системы, подразумевающая высокую степень разнородности и разнонаправленности векторов смыслового движения. Авторы делают вывод, что метатекст – это комплекс знаков второго порядка, упорядочивающий развитие культуры и обеспечивающий ее преемственность как на локальном, так и на глобальном уровне. Основные функции метатекста заключаются в снижении интерпретационной вариативности текста и его привязке к уже существующему корпусу.

Ключевые слова: упорядочение культуры, межтекстовые связи, антропосфера, гипотекст, гипертекст, социокультурные фильтры

Для цитирования: Сидоренко В. А., Ветров Н. М. Антиэнтропийный характер метатекстуальных знаков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 10 (904). С. 149–155.

Original article

The Antientropic Nature of Metatextual Signs

Vladimir A. Sidorenko¹, Nikita M. Vetrov²

¹St. Luka Lugansk State Medical University, Lugansk, Russia, vls.80@mail.ru

²M. Matusovsky Academy of Culture and Arts, Lugansk, Russia, elvientos@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to identify the role of metatext in the construction of cultural space. Methodologically, the study is based on historical, comparativistic, logical and analytical principles of studying the relationship between text, reality and human thinking. The object of study is the entropy of culture as a complex system, implying a high degree of heterogeneity and multidirectionality of semantic movement vectors. The conclusions drawn describe metatext as a complex of second-order signs that organize the development of culture and ensure its continuity both at the local and global levels. The main functions of metatext are to reduce the interpretative variability of the text and to link it to an existing corpus.

Keywords: culture ordering, intertextual connections, anthroposphere, hypotext, hypertext, sociocultural filters

For citation: Sidorenko, V. A., Vetrov, N. M. (2025). The Antientropic Nature of Metatextual Signs. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(904), 149–155. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Представленный анализ антиэнтропийной природы метатекста призван решить следующие задачи: определить роль антиэнтропийной функции в процессах внутрикультурной и межкультурной коммуникации, описать метатекст как способ организации взаимодействия текстов в культурном пространстве, рассмотреть вторичную функцию языковых единиц, служащую для объединения корпуса текстов и выстраивания межтекстовых взаимосвязей, оценить эффективность реализации антиэнтропийной функции метатекста в зависимости от культурной компетентности участников коммуникативного процесса, соотнести гипотекст и гипертекст в системе построения преемственности культуры.

Методами решения поставленных задач стали историко-компаративистский, позволивший проанализировать диахронные принципы построения культурного пространства, и диалектический, давший возможность системного рассмотрения текстовой коммуникации в единстве ее формальных и содержательных аспектов.

Актуальность работы обусловлена возрастающей интенсивностью информационных связей между людьми и социальными группами в конце XX – начале XXI веков, которая привела к усилению энтропии в культуре из-за разнонаправленности трансляционных векторов и перегрузки системы социокультурных фильтров информационными потоками. Плюралистический подход к истинности, подразумевающий существование в тексте более одного истинного смысла, легитимизовал одновременное существование множества взаимоисключающих понятий, становящихся отправной точкой для дальнейших рассуждений. Эти процессы привели к резкому возрастанию энтропии в культуре, и на данный момент они не только не спадают, а лишь становятся все более интенсивными.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ МЕТАТЕКСТА

Термин «энтропия» пришел в гуманитарную сферу из области естественных наук, где энтропия изначально определялась как степень хаотичности системы [Деменов, 2019]. Ранняя греческая философия (Анаксимандр, Пифагор, Гераклит) противопоставила хаосу космос как организованную гармоничную целостность, в которую также была включена культура в качестве сложившегося результата целенаправленной человеческой деятельности. Складывавшиеся в течение всей человеческой эволюции нормы, ценности и традиции

придавали социальным группам вплоть до человечества в целом единый вектор развития, упорядочивая культуру и снижая ее энтропийность. Однако эпоха постмодерна с ее бурным информационным развитием вновь поставила вопрос о мире как хаосе (Ж. Деррида, Ж. Делёз, Ф. Гваттари). Одновременно в постмодернистской философии возникает постулат трактовки мира как текста, построенного на принципах вероятностного детерминизма [Derrida, 1998], что в свою очередь усилило позиции сторонников хаотичности мироустройства.

Одним из элементов, противостоящих повышению энтропии в текстуальном мире, является метатекст. Метатекст представляет собой объяснительную систему, устанавливающую взаимоотношения между понятиями в конкретном контексте [Дробышевская, 2016], что позволяет снизить интерпретационную вариативность текста и, соответственно, его энтропийность. Данное снижение достигается за счет привязки интерпретируемого текста к уже существующему корпусу данных, который в максимальной реализации и представляет собой культуру. Соотнесение с предшествующим текстовым массивом происходит посредством метатекстуальных знаков, выявление и анализ которых представляет собой цель данной статьи.

С наступлением информационной эры широкое распространение получило понятие гипертекста – информации, организованной не в форме линейной последовательности, а в форме совокупности текстов, связанных системой ссылок [Экономическая информатика, 2016]. Термин гипертекст закрепился в основном за электронной формой документа, однако с философской точки зрения гипертекстом является любая форма текста, поскольку она содержит отсылки к предыдущим текстам, закрепленным в культуре. При таком подходе референциальная основа текста становится гипотекстом, ориентированным на распознавание реципиентом и направляющим его интерпретативную хаотичность в целенаправленное русло, создавая глубинную семантическую перспективу [Злочевская, 2022].

Теоретические основания метатекста восходят к идее полифонического текста, выдвинутой М. М. Бахтиным [Степанян, 2016]. Впрочем, полифоничность подразумевает под собой прямое или как минимум выраженное включение одного текста в другой, в то время как метатекстуальные связи зачастую имплицитны и могут не осознаваться. Оба этих свойства заставляют текст выходить за собственные рамки, встраивая его в общекультурное пространство и снижая его энтропийность за счет соотнесения с уже укоренившимися прото-, стерео- и архетипами.

Противоречивой фигурой в ряду предшественников теории метатекста выступает Ж. Деррида. С одной стороны, он разрушает видение текста как линейной структуры, более того, текст по Деррида и возникает в процессе развертывания дискурса [Шадрин, 2009]. Также Деррида подчеркивает способность текста производить новые смыслы с помощью означивания – вкладывания смыслового наполнения в текст, который сам по себе смысла не содержит. Постмодернистская парадигма разрушила референциальную связь между означающим и означаемым, заявив в качестве постулата разрушение логоцентризма. Если Бахтин в качестве минимальной структурной единицы отталкивался от слова, то Деррида и Фуко перешли к понятию дискурса, в рамках которого реальность сама транслирует смыслы, а человек лишь интерпретирует их [Фёрингер, 2019]. С другой стороны, Деррида рассматривал текст как децентрированную и нестабильную сущность, не поддающуюся упорядочиванию. В такой трактовке лишенный упорядоченности текст лишь усиливает энтропию культуры.

Уход от моносемии через активное «чтение-письмо» характерен для философии Р. Барта [Барт, 1989]. Творческая полисемия реализуется через взаимодействие с мировоззрением реципиента, включающим в себя ранее накопленную культурную информацию. В противовес языковой системе первого порядка, строящейся на денотативной парадигме язык-объект, Барт вводит систему второго порядка – метаязык, основанный на коннотативных значениях. Для передачи объекта метаязыка Барт использует термин миф – организацию текстовых отношений посредством наслаивающихся нарративов. Попытки деконструировать, прояснить миф приводят к демистификации культуры для масс и ее профанации.

ФОРМЫ И ФУНКЦИИ МЕТАТЕКСТУАЛЬНЫХ СРЕДСТВ

Возрастание значимости метатекста и внимания к нему со стороны представителей различных областей знания в конце XX – начале XXI веков не случайны. Рост интенсивности информационно-коммуникативных процессов в мире, глобализация, доступность смысловых пластов различных культур, их унификация в системе массовой культуры привели к соответствующему росту семиотизации общественной жизни. Методологической задачей модерна и более ранних эпох являлся подбор формы к уже открытому содержанию, в то время как постмодерн начал искать новое содержание в уже существующих формах.

Основной проблемой метатекстуальности, частично уже затронутой Бартом в теории интертекста, стала культурная компетентность воспринимающего субъекта [там же]. Если такая компетентность невысока, метатекстуальные связи либо не будут выявлены, либо приведут в пустоту, поскольку для построения ткани метатекста необходимо знакомство реципиента с исходным гипотекстом. Зависимость смыслового наполнения от компетентности читателя, слушателя и т. п. заставила Барта выдвинуть постулат о смерти автора. В современном мире гениальность любого писателя способна разбиться о культурную некомпетентность читателя. Массовую культуру, поп-культуру зачастую и небезосновательно обвиняют в смысловой примитивности [Рондарев, 2020]. Однако следует понимать, что количество информации, то есть объем гипотекстов, только за вторую половину XX века вырос в 10 раз по сравнению со всем объемом, накопленным человечеством до 1950-го года [Курлов, Петров, 2014]. В XXI веке проблема только усугубилась и продолжает нарастать.

По мере снижения эксплицированности межтекстовых связей интертекстуальные формы и знаки переходят в метатекстуальные. Наиболее эксплицитной формой межтекстовой связи выступает цитирование, в большей степени прямое, в меньшей – косвенное. Прямое цитирование не требует полноценного знакомства реципиента с первоисточником, достаточно наличия у него высокого коммуникативного рейтинга, обеспечивающего необходимый уровень доверия к этому источнику. При косвенном цитировании в сознании воспринимающего субъекта может происходить размежевание гипертекста, содержащего непрямую цитату, и гипотекста, смысл которого она передает. Коммуникативный рейтинг гипертекста и гипотекста может различаться, что обуславливает необходимость более высокой компетентности реципиента.

Функционально эксплицитные межтекстовые связи используются с тремя целями: 1) аргументационная – гипотекст и отсылка к нему служат в качестве доказательства позиции автора гипертекста; 2) иллюстративная – гипотекст выступает в роли примера, разъясняющего позицию автора гипертекста; 3) замещающая – авторитетный гипотекст приводится вместо позиции автора или ее части для придания большей весомости и повышения коммуникативного рейтинга. Важно отметить, что в роли гипотекста может выступать не только конкретный текст, но и целый корпус, объединенный общей тематикой, авторством, временем создания, языком, сферой применения, носителем. Корпоральная структура используется, в частности, сетевыми поисковыми средствами

для группировки результатов поиска по репрезентативности и контексту.

В противовес эксплицированной интертекстуальности метатекстовые связи более сложны для распознавания и интерпретации. Метатекстовые связи носят фоновый характер, их гипотекстовый корпус прямо не выражен и различается от одного воспринимающего субъекта к другому. Общность гипотекстов обеспечивает социокультурной группе определенное смысловое единство, однако индивидуальные и групповые различия в гипотекстовом корпусе неизбежны. Чем больше такие различия, тем разнороднее и разобщеннее культурная группа. История знает массу примеров, когда снижение доверия к гипотекстовому корпусу приводило к распаду государств, религиозным конфликтам и революциям. Из общности текстового корпуса вытекает нормативная составляющая общественной жизни – от этических и юридических принципов до собственно языковых норм, определяющих уровень грамотности в широком понимании этого термина как знания, разделяемого социальной группой.

Отличительной особенностью метатекста является привязка к культурному массиву, а не к конкретному гипотексту. Литературным примером такой привязки является присвоение персонажам говорящих имен и фамилий. Этот прием, с успехом применявшийся целым рядом выдающихся писателей (Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, А. С. Грибоедов, Д. И. Фонвизин, А. Н. Островский), характеризует основную функцию метатекста – экономию речевых и мыслительных средств и ресурсов. Метатекстуальное имя или фамилия персонажа позволяют сократить его описание и одновременно углубить образ. Так, наделяя героиню именем Софья, Фонвизин сразу подчеркивает ее основные качества – мудрость, уравновешенность, рассудительность – на основании ассоциации с распространенным греческим корнем. Если же компетентность читателя простирается дальше, например, в христианский культурный массив, имя героини обозначит и второстепенные черты ее характера – скромность, мягкость, добродетельность, терпеливость – вследствие соотношения с одной из христианских святых, носивших имя Софья.

Выход метатекстуальности за пределы узкого понимания текста как письменного сообщения, объективированного в виде документа [Гальперин, 1981], реализуется в психологической терапии и реабилитации при когнитивных расстройствах. Симптомом болезни Альцгеймера или деменции является разрушение существующих когнитивных связей с культурным информационным массивом

и неспособность создать новые [Босс, 2024]. При терапии подобных расстройств применяется обратный метод: поиск гипотекста, от которого можно выстроить связь с нынешним состоянием пациента. В частности, пациентам проигрываются песни, демонстрируются фотографии и видеофрагменты с фиксацией инструментальным путем тех из них, которые вызывают ответную реакцию [Stinson, 2009]. Это позволяет восстановить метатекстуальную структуру снизу вверх, от гипотекста к гипертексту. Реконструкция такой системы дает возможность человеку вновь включиться в смысловую целостность культуросферы.

Функционально значимым в данной ситуации является понятие метатекстуальной дистанции, заключающееся во временном, пространственном или смысловом разрыве между гипотекстом и гипертекстом. В количественном измерении такая дистанция может выражаться в объеме схожих лексических и синтаксических конструкций. Наиболее поверхностный уровень вычисления метатекстуальной дистанции предполагает простой подсчет одинаковых единиц и их форм. Более глубокий анализ включает в себя расчет параллельных текстов, включающих в себя элементы рассматриваемого. Такой подход требует значительных вычислительных мощностей, позволяя определить метатекстуальный охват конкретного текста и требуемую компетентность воспринимающего субъекта. Наибольшая значимость вычисления метатекстовой дистанции и охвата лежит в практической плоскости от рекламы до политических выступлений, поскольку дает возможность оценить доступность текста и его элементов целевой аудитории.

Ориентация на метатекстуальную компетентность реципиентов влечет за собой интенциональную составляющую текста. Несмотря на постулат Барта о смерти автора [Барт, 1989], диалектика текста подразумевает единство и борьбу интенции автора и интерпретации воспринимающего. С одной стороны, метатекст облегчает интерпретацию за счет прояснения смыслов без объемной расшифровки непосредственно в тексте. Это экономит когнитивные и речевые ресурсы как автору, так и реципиенту. С другой стороны, выявление метатекстовых знаков и ссылок, особенно в насыщенном ими тексте, требует ментальных усилий, что вступает в противоречие с принципом когнитивной экономичности. В результате автор и воспринимающий субъект оказываются в интеллектуальном противостоянии: автор через метатекст сужает интерпретативное поле реципиента, однако при этом заставляет его расходовать ресурсы на выявление метатекста, построение ссылки на гипотекст

и поиск в нем необходимого смысла. Этот процесс требует затрат энергии, что косвенно подтверждает его антиэнтропийную направленность: степень энтропийности системы тем ниже, чем больше энергии расходуется на полезную работу вместо бесполезного рассеивания.

Когнитивная затратность метатекста обуславливается его категоризационной функцией. Помимо денотативного значения, каждая языковая единица несет в себе организующую составляющую как внутри самого текста, так и в интертекстуальном пространстве. Сопутствующие функции прямого смыслового выражения характеристики текста (например, используемые синтаксические конструкции, эмоционально или стилистически маркированная лексика) обеспечивают классификацию текста и его источника как более или менее надежного, интересного, полезного и т.п. На наличие либо отсутствие таких метатекстовых знаков влияет интенциональная направленность текста, его целевая аудитория со своей когнитивной спецификой. Ориентация на классическую платоновско-аристотелевскую таксономическую категоризацию снижает хаотичность текста, в то время как радиальная с ее ориентацией на сравнение с центральным компонентом категории – прототипом – оставляет больше пространства для интерпретаций.

На упорядочении интерпретативных вариаций делал акцент Х.-Г. Гадамер, предложивший понятие герменевтически воспитанного сознания [Гадамер, 1988]. Уже на этапе выбора текстового жанра или стиля речи автор предполагает наличие у реципиента когнитивных схем, позволяющих сузить герменевтическое поле и упростить построение связей с гипотекстовым корпусом. Философия модерна, в частности Ф. Шлейермахер, считала главным истолкование не самого текста, а его автора, интенционально мыслящего субъекта с собственными социокультурными установками [Шлейермахер, 2004]. Постмодерн XX века перенес внимание на такие же характеристики реципиента, а ставящий во главу угла коммуникацию XXI век – на выстраивание связей между ними. Потенциал произведения стать классическим определяется, в том числе, направленностью на реципиента из другого пространственного или временного культурного окружения и возможностью выстроить с ним интерпретативные взаимоотношения. Если метатекстовые связи успешно распознаются и интерпретируются,

гипертекст становится гипотекстом, к которому, в свою очередь, выстраиваются ссылки, что обеспечивает трансляционную системность и упорядоченность культуры.

Гипотекстовый корпус, на который опирается формируемый дискурс, определяет взаимосвязи между локальными культурами и глобальной антропосферой. Метатекстовые связи создают эффект присутствия интерпретатора в предшествующих культурных полях. Чем сильнее эти поля метатекстуально зациклены на самих себя, тем прочнее локальная культура и слабее ее связь с глобальной. Метатекстовое разнообразие и широкий объем гипотекстов обеспечивают выход в глобальную антропосферу, однако снижают антиэнтропийность трансляции, поскольку увеличение числа связей неизбежно ведет к повышению хаотичности системы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вышеизложенное позволяет сделать ряд выводов: 1) быстро растущий в мире объем информации повышает хаотичность культуры как информационной системы, что делает антиэнтропийную функцию одной из важнейших в процессах внутрикультурной и межкультурной коммуникации; 2) метатекст как способ организации взаимодействия текстов в культурном пространстве направлен на снижение интерпретативной вариативности, способствуя снижению хаотичности в антропосфере; 3) метатекст представляет собой вторичную функцию языковых единиц, служащую для нелинейного объединения корпуса текстов и выстраивания межтекстовых взаимосвязей; 4) в отличие от более эксплицированных интертекстуальных форм, метатекстуальные связи имплицитны и могут акцентированно не осознаваться, что способствует более высокой когнитивной экономичности последних; 5) эффективность реализации антиэнтропийной функции метатекста обуславливается культурной компетентностью участников коммуникативного процесса, общностью их гипотекстового корпуса и сходством категоризационных принципов; 6) метатекстуальные знаки обеспечивают преемственность культуры – как глобальной, так и локальной, поскольку успешно интегрированный в культуру гипертекст, в свою очередь, становится гипотекстом для ее дальнейшего конструирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Деменок С. Л. Просто энтропия. СПб.: Страта, 2019.
2. Derrida J. Of grammatology. The Johns Hopkins University Press, 1998.

3. Дробышевская Т. Л. Драматургия города. Екатеринбург: Издательские решения, 2016.
4. Экономическая информатика / М. И. Лугачев и др. М.: Проспект, 2016.
5. Злочевская А. В. Три лика мистической метапрозы XX века: Герман Гессе – Владимир Набоков – Михаил Булгаков. СПб.: Издательство Super, 2022.
6. Степанян К. А. Шекспир, Бахтин и Достоевский: герои и авторы в большом времени. М.: Языки славянской культуры, 2016.
7. Шадрин А. А. Герменевтика смысла социально-философской дискурсивности: монография. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 2009.
8. Фёрингер М. Авангард и психотехника: наука, искусство и методики экспериментов в послереволюционной России. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
9. Барт Р. Избранные работы: семиотика, поэтика. М.: Прогресс, 1989.
10. Рондарев А. В. Эпоха распада. Грандиозная история музыки в XX веке. М.: РИПОЛ классик, 2020.
11. Курлов А. Б., Петров В. К. Методология информационной аналитики: монография. М.: Проспект, 2014.
12. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
13. Босс П. Любить человека с деменцией. М.: Эксмо, 2024.
14. Stinson C. K. Structured Group Reminiscence: An Intervention for Older Adults // The Journal of Continuing Education in Nursing. 2009. Vol. 40 (11). P. 521–528.
15. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
16. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: Европейский дом, 2004.

REFERENCES

1. Demenok, S. L. (2019). Prosto entropiya = Just entropy. St. Petersburg: Strata. (In Russ.)
2. Derrida, J. (1998). Of grammatology. The Johns Hopkins University Press.
3. Drobyshevskaya, T. L. (2016). Dramaturgiya goroda = Drama of the city. Ekaterinburg: Publishing Solutions. (In Russ.)
4. Lugachev, M. I. et al. (2016). Ekonomicheskaya informatika = Economic Informatics. Moscow: Prospekt. (In Russ.)
5. Zlochevskaya, A. V. (2022). Tri lika misticheskoy metaprozy XX veka: German Gesse – Vladimir Nabokov – Mihail Bulgakov = Three faces of mystical metaprose of the twentieth century: Hermann Hesse – Vladimir Nabokov – Mikhail Bulgakov. St. Petersburg: Super Publishing House. (In Russ.)
6. Stepanyan, K. A. (2016). Shekspir, Bahtin i Dostoevskij: geroi i avtory v bol'shom vremeni = Shakespeare, Bakhtin and Dostoevsky: heroes and authors in big time. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.)
7. Shadrin, A. A. (2009). Germenevtika smysla social'no-filosofskoj diskursivnosti = Hermeneutics of the meaning of socio-philosophical discursivity. Izhevsk: Udmurt University Publishing House. (In Russ.)
8. Ferringer, M. (2019). Avangard i psihotekhnika: nauka, iskusstvo i metodiki eksperimentov v poslerevolucionnoj Rossii = Avant-garde and Sciences: science, art, and methodology of experiments in post-revolutionary Russia. Moscow: New Literary Review. (In Russ.)
9. Barthes, R. (1989). Izbrannye raboty: semiotika, poetika = Selected works: semiotics, poetics. Moscow: Progress. (In Russ.)
10. Rondarev, A. V. (2020). Epoha raspada. Grandioznaya istoriya muzyki v XX veke = The age of decay. The great history of music in the twentieth century. Moscow: RIPOL Classic. (In Russ.)
11. Kurlov, A. B., Petrov, V. K. (2014). Metodologiya informacionnoj analitiki = Methodology of information analytics. Moscow: Prospekt. (In Russ.)
12. Galperin, I. R. (1981). Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya = Text as an object of linguistic research. Moscow: Nauka. (In Russ.)
13. Boss, P. (2024). Lyubit' cheloveka s demenciej = Loving a person with dementia. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
14. Stinson, C. K. (2009). Structured Group Reminiscence: An Intervention for Older Adults. The Journal of Continuing Education in Nursing, 40(11), 521–528.
15. Gadamer, H.-G. (1988). Istina i metod. Osnovy filosofskoj germenevtiki = Truth and method. Fundamentals of philosophical hermeneutics. Moscow: Progress. (In Russ.)
16. Schleiermacher, F. (2004). Germenevtika = Hermeneutics. St. Petersburg: European House. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сидоренко Владимир Александрович

доктор философских наук

доцент кафедры философии, правоведения, социальных и гуманитарных наук

Луганского государственного медицинского университета имени Святителя Луки

Ветров Никита Михайлович

аспирант кафедры культурологии

Луганской государственной академии культуры и искусств имени Михаила Матусовского

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sidorenko Vladimir Aleksandrovich

Doctor of Philosophy (Dr. habil.)

Associate Professor at the Philosophy, Law, Social Sciences and Humanities Department

St. Luka Lugansk State Medical University

Vetrov Nikita Mikhailovich

PhD student at the Cultural Studies Department

M. Matusovsky Lugansk State Academy of Culture and Arts

Статья поступила в редакцию	12.07.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	24.08.2025	
принята к публикации	15.09.2025	